

виктор оден

18+

И Э Г Л О

80 стихов пластмассового века русской поэзии

Виктор Оден

ИГО ЭГО

«Издательские решения»

Оден В.

ИГО ЭГО / В. Оден — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516515-2

Эта книга написана генератором случайных букв. Все вопросы, замечания, жесты указательным и средним пальчиком, претензии по поводу логики, правил и законов — к нему.

ISBN 978-5-00-516515-2

© Оден В.
© Издательские решения

Содержание

1. Геннадий и Медведь	7
2. Эписталасса	9
3. Репа	10
4. Забор	11
5. Ода бензопиле	12
6. Про пришельцев	14
7. Пьеро	15
8. Гришка Вышка	16
9. Собака	17
10. Романс	18
11. Травмотургия	19
12. Гипнос	20
13. Мамин	21
14. Вандализм	22
15. Le penseur	23
16. Ночной дозор	26
17. Даггеротип	27
18. Нескромное обоняние эгофутуризма	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ИГО ЭГО

Виктор Оден

© Виктор Оден, 2020

ISBN 978-5-0051-6515-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- 1 Геннадий и медведь
- 2 Эписталасса
- 3 Репа
- 4 Забор
- 5 Ода бензопиле
- 6 Про пришельцев
- 7 Пьеро
- 8 Гришка Вышка
- 9 Собака
- 10 Романс
- 11 Травмотургия
- 12 Гипнос
- 13 Мамин
- 14 Вандализм
- 15 Le penseur
- 16 Ночной дозор
- 17 Даггеротип
- 18 Нескромное обоняние эгофутуризма
- 19 Введение в психоанализ
- 20 Прозападная сага
- 21 Точка
- 22 День Рождения
- 23 Псалом
- 24 Зал в волшебном замке
- 25 Экзерсис
- 26 Рок и Лайза
- 27 Пьеса
- 28 Трёп trip
- 29 Квартет
- 30 Житие
- 31 Перспектива
- 32 Апокриф
- 33 P.R.
- 34 Квест
- 35 Анамнез терафима
- 36 Список низких истин
- 37 Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!
- 38 Птичкок
- 39 Тандава

- 40 Резюме
- 41 Прогноз
- 42 Там
- 43 К няне
- 44 Ужастик
- 45 Сколопендра
- 46 Мобильник
- 47 Лабиринт
- 48 Новости дня
- 49 Гиацинт
- 50 Алкогольный романс
- 51 Федя, где ты?
- 52 Стража
- 53 А-а-а-а
- 54 Гиппократия
- 55 QR-баллада
- 56 Воображариум доктора Менгеле
- 57 Викенд
- 58 Песня Маугли
- 59 Вечный зов
- 60 Тотальная синонимия
- 61 The Быдл's
- 62 Носороги
- 63 Стыд
- 64 Зеркало
- 65 Моряцкая
- 66 Войнушка
- 67 Буй
- 68 Всемирный потом
- 69 Ванна
- 70 Везуха
- 71 Депо
- 72 Маршрут
- 73 Птица
- 74 Счастье
- 75 Лузер
- 76 Румба Сарагины
- 77 Имитация презренного жанра
- 78 Пророчество Ванги
- 79 Песня
- 80 Дошечки

1. Геннадий и Медведь

Опять задержали зарплату.
В полях размножается сныть.
Пытается злобное НАТО
ракетами нас окружить.
Опять повышают налоги.
А жизненный уровень пал.
Медведь косолапый в берлоге
весну безнадёжно проспал.
Гулять в чужеземные страны
опять не пускают народ
Наш мир не особо гуманный.
Зато в нём Геннадий живёт.

Опять заседают министры,
не зная, как склеить бюджет.
Украли всё капиталисты.
Взорвался опять суперджет.
Брюссель подожгли радикалы.
Мигранты разрушили Рим.
Мы съели медведя-коалу,
не ведая, что мы творим.
Художников бьют уркаганы.
Посажен в тюрьму рифмоплёт.
Наш мир не особо гуманный.
Зато в нём Геннадий живёт.

В немодном нагольном тулупе,
сжимая когтями наган,
вчера выступал на ю-тубе
огромный медведь атаман.
Сказал он, что люди – невежи,
что люди не чувствуют такт.
Разорван по воле медвежьей
старинный межвидовый пакт.
Сегодня приходят к нам вести:
медведи вошли в города.
От их ужасающей мести
бежали людские стада.
Не знаю, что сбудется завтра.
Сегодня здесь птички поют,
бизоны, слоны, динозавры,
а так же медведи живут.

Но где же тот самый Геннадий?
Зачем вы забыли о нём?

Геннадий пока что не найден.
Но мы его точно найдём!
Отправим на переговоры
его мы. Достоин он ведь!
Подпишет бумажные горы
о дружбе с ним главный медведь.
Давайте теперь веселиться,
давайте воскликнем «Ура!»,
и сделаем добрые лица,
как будто бы мы – детвора.

2. Эписталасса

Знал ли ты, друг мой, обыденным радостям цену?
Нет! Заставляет лишь насморк нас вспомнить про нос.
Помнишь ли ты, как униженно Гидрометцентр
увещевал не манкировать страшный прогноз?

Помнишь, как бледный синоптик рыдал на экране,
встав на колени, безумно тараща очки,
к нам простирая в мольбе безответные длани,
камеру дланями вдруг опрокинув почти.

Зрителей – чернь, лупоглазое стадо животных,
смерч превратил в однородную серую слизь.
Помнишь ли, друг мой, как весело и беззаботно
цивилизации мы на закате паслись?

Помнишь ли смену чудесную времени суток
до катастрофы, в особенности – вечера?
Даже не верится, но подтверждает рассудок,
что вечера ещё место имели вчера.

Помнишь, как ветер поднялся над городом? Выше
вместе с ним стала потом подниматься вода.
Эти стихи я царапаю сидя на крыше.
Чёрные волны уже заливают чердак.

Слышу, как хлещут они по бетону высотки.
Гаснет фонарик мой. Тает заряд батарей.
Саван из тёмной материи хаоса соткан.
Месяц не выйдет. Звезда не взойдёт на заре.

Это письмо ты, друг мой, никогда не получишь.
Сложенный где-то за гранью из мрака и бурь,
неотразимый неисповедимейший кукиш
нас раздавил, чтобы Землю очистить. Буль-буль...
P.S.

Автор послания ныне живёт в океане,
пишет в чертогах Нептуна письмо за письмом
с помощью будто бы некой таинственной длани,
не упомянутой в строках седьмой и восьмой.

3. Репа

Известный мужик, у которого нос
над верхней губой с рождения рос,
сказал человечеству: «Рыбы!»
А вы поступить так могли бы?

Другой человек, у которого рот
изогнут не кверху, а наоборот,
нам скорчил ужасную рожу.
И мы ему скорчили тоже.

А третий совсем не имел ничего.
Внутри пустота, и пустое чело.
Он, как путеводная репа,
сиял нам легко и нелепо.
И мы ему плачем, смеёмся в ответ:
«Скажи, композитор, художник, поэт,
куда ты ведёшь нас?» Ответа
не будет. Как всё-таки это...

Мы сами, возможно, заполнить пробел
способны. А если же кто оробел,
того персональная робость
затянет в уютную пропасть,
которая, как нам известно, во ржи.
Там странная рыба в засаде лежит,
чья страшная хищная рожа
на репу отчасти похожа.

4. Забор

Много лет пролетело с тех пор,
как Петрович залез на забор.
В небе птичка летит.
Рыбка плещется в море.
А Петрович сидит
на заборе.

Говорил ему сам Николай:
«Все тебя очень просят, слезай!
Пусть с ума ты сошёл
или чувствуешь горе,
а сидеть не должен
на заборе!»

Предлагал ему Петька Косой
бутерброд с дорогой колбасой,
три банана и чай
на столовом приборе.
Но Петрович молчал
на заборе.

Снизу плакали мать и отец:
«Ты пошто нас покинул, подлец?
Не уплачен оброк.
Конфискация вскоре.
Не сиди ты, сынок,
на заборе!»

Много лет пролетело с тех пор.
Покосился и рухнул забор.
А Петровича нет.
Растворился в зените.
Только молвил в ответ:
«Извините!»

5. Ода бензопиле

Я иду по траве,
босы ноги мочу.
Как любой человек,
я куда-то лечу.
Я куда-то спешу. Я боюсь не успеть.
Я боюсь не догнать. Я боюсь не посметь.
И в навязчивом рое
хулы-похвалы
не хватает порою
мне бензопилы.

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням
посетителей ест
здесь чиновник. Ням-ням.
Всем вокруг заправляет владыка владык.
А проситель глотает от страха кадык.
Кепки, чепчики, шляпы, картузы долой!
Я без шляпы пришёл. Но я с бензопилой!

Вот лежит гражданин
обладатель ума.
Вот стоит гражданин
чемпион ММА.
Гражданин гражданина стремительно бьёт
в неширокую спину и тощий живот.
Не судья, но могу, как на поле Пеле,
в этом случае сбавать на бензопиле.

В городишке чума.
От голодных коров
ядовитый туман
травянистый покров
скрыл на семь долгих зим,
скрыл на семь долгих лет.
А мы снова тусим.
У нас пати-банкет.
Для разборчивых ж
принесли осетра.
А за ним бланманже
и белужья икра.
Пробираюсь, как деточка
нежен, к столу,
прикрывая салфеточкой
бензопилу.

Я не знаю, как вы.
По природе я трус.
Я внутри головы
вечно струсить боюсь.
Я иду по траве,
босы ноги мочу.
У себя в голове
я корчую капчу.
Я хочу одного, чтоб со мною была
моя верная, милая бензопила.

6. Про пришельцев

Была у Володи
зачка в комодке.
А рядом три вафельки прели.
Работал Володя
на автозаводе
с апреля весь год до апреля.

Была там Маруся
в володином вкусе.
Двумя обладала руками.
Носила Маруся
за пазухой гуся.
За это её не ругали.

Там был ещё Петя.
Вставал на рассвете,
и бегал спортивной походкой.
Под ливнем и снегом
упрямо он бегал,
любой наслаждаясь погодкой.

Кто все эти люди,
давайте не будем
сейчас выяснять в интернете.
Они не земляне.
Инопланетяне —
Володя, Маруся и Петя.

И я, между прочим,
советую очень,
забудьте об этом моменте.
Иначе вас тоже
ОНИ уничтожат,
как тех дураков в киноленте.

7. Пьеро

Рождественской ночью проснулся Пьеро,
разверз холодильник. Там было зеро.
Лишь лампочки слабое тело
в холодной пустыне желтело.

Он был ещё молод, хотя и старик.
Порой его голос срывался на крик,
пока в телевизоре длилась
унылая несправедливость.

Старушки страдальцу являлись порой,
когда он гулял по дорожке сырой
вблизи магазина «Колбасы»,
где очередь вечно у кассы.

А раньше являлся он в обществе, как
московский потомственный денди.
Виделся на нём ослепительный фрак.
Смеялись соседские дети.

Он с детства боялся собак и детей,
а к женщинам был равнодушен.
Он, мысленно им посылая плетей,
любил колбасу и старушек.

Года пролетели. Закрылось бюро
чудесных находок в затылке.
Разверзлась таинственно перед Пьеро
бездонная пасть морозилки.

8. Гришка Вышка

«День за днём за годом год
Дядистёпин сын растёт»
Сергей Михалков

Я не учился в первом классе.
И не учился во втором.
Но у меня был кореш Вася,
и кореш Петька Астроном.
Один смотрел всё время в небо.
Другой ругался, как матрос.
Я в третьем классе тоже не был,
поскольку быстро очень рос.

Неравнодушные соседи
мне дали кличку Каланча.
Баскетболист Корзинкин Федя
был ниже моего плеча.
А васькин брат очкарик Мишка,
который всё всегда учил,
мне наварил кликуху Вышка,
за что по морде получил.

Теперь мне лет, примерно, тридцать.
Стою у входа в гастроним.
А рядом Васька матерится,
и замер Петька Астроном.
Пускай считать я не умею
и знаю только букву «я»,
пускай несую я ахинею,
зато всегда на связи я.

9. Собака

Свободные звери гуляют в саду.
Должны быть хвосты у зверей на заду.
А кто не имеет хвоста,
того обошла красота.

Учёным доцентом собаке не стать.
Зато у собаки хвостатая стать.
Прекрасна собака хвостатая,
как древняя римская статуя.

10. Романс

Лучезарное солнце играло в хрустальном бокале,
до краёв окроплённом живительной влагой Аи.
Вы как будто споткнулись и пёрышком лёгким упали,
грациозная, хрупкая, прямо в объятия мои.

Затуманились очи. Забилося усталое сердце.
Словно птица, впорхнула надежда в усталую грудь.
Словно ветер принёс озорное игривое скерцо,
разогнав петербургского сплина тревожную муть.

Мы на «ты» перейдём до утра, и пройдем по Манежной
в предрассветном драпри к утончённо-холодной Неве.
Ироничен я буду. Ты будешь небрежной и нежной.
Но не верю тебе я. И ты мне, конечно, не верь.

11. Травмотургия

В тех кустах, где мы с вами встретились,
вы сказали мне: «Ну, давай телись!»,
потому что я брюки снять не мог
и толкал локтём вас всё время в бок.

Вы сказали мне: «Ты меня достал!»,
потому что я так шумел в кустах,
что прохожие увидели нас,
обозвали вас, мне разбили фас.

Тех кустов уж нет. На их месте дом.
На восьмой этаж я иду с трудом.
Лифт сломался. Что ж, я иду едва.
Ты в квартире ждёшь номер тридцать два,
чтобы вновь сказать: «Ну, давай телись!»
В кухне полумрак. Дети улеглись.
Тёща спит давно. Старый пёс уснул.
Я шагну к тебе, опрокину стул,
зацеплюсь за шкаф. Вот и шкаф упал.
Ты мне скажешь: «Как ты меня достал!»

12. Гипнос

Земля – родная мне планета.
Меня как будто тянет к ней.
И я люблю её за это
в печали, в радости, во сне.

Спит Праотец и спит Праматерь.
И, путешествуя по снам,
я на неведомой кровати
верчусь и вздрагиваю. Там

за горизонтами резонов
я слышу шёпот бледных губ.
В пустые сонмы снов бессонных
по смятой простыни бегу.

Героя праздную и труса.
И въедлив шёпот: «Не спеши
из пут забвения проснуться
в несуществующую жизнь.»

13. Мамин

Крысам – шелка. Святым – вериги.
Нашёл, не радуйся. Потерял, не плачь.
В одной неведомой людям книге
(дальше замарано).
Вчера скрипач
с гитаристом под шум прибоя
играли на набережной. Некто Мамин,
покрытый морщинами, как резьбой,
положил в кофр для денег волшебный камень.
Но музыканты не распознали чуда.
Бросили его пустоте вечерней.
А деньги потратили на блюда
в пахнущей смертью животных харчевне.

А в это время Геннадий Палицин,
проходящий курс интенсивного запоя,
об угол шкафа так ударился,
что на миг постиг теорию поля
и корпускулярно-волновой дуализм впридачу.
Он сказал по этому поводу вот что:
«Находясь в состоянии просветления, бачу:
философский камень есть, типа, точка.»

14. Вандализм

Чудесный сон развеялся мгновенно.
В пустой кровати я лежу один.
Шампанское исчезло. Только пена
шипит змеёй. А в голове гудит,
как будто черти свили колокольню
под черепом и грянули в набат.
Она ушла. А мне совсем не больно.
Я этому, быть может, очень рад.
Но почему в душе так ноют скрипки,
и саксофоны выдыхают грусть?
Растаяла, как сон, её улыбка.
А на стене два слова «Не вернусь»
оставлены уверенной рукою,
помадой дорогой нанесены.
Ни разу ты не клеила обои.
Иначе бы не портила стены.

15. Le penseur

На перекрёстке двух миров
под сенью светофора
стоял Козьма Кузьмич Петров.

А фауна и флора
в его лохматой голове
допытывались сути.
И шла молодая по траве
в кусты Орнелла Мути.
За ней на цыпочках сатир
стремился по кореньям,
чтобы заняться позади
Орнеллы покореньем
её девических надежд
то нежно, то сурово,
отбросив фирменных одежд
прозрачные покровы.
А где-то наискось от них
зверёныш нюхал ветер.
Был жарок полдень, ветер тих.
Лукавый глаз заметил,
как над сатиром купидон
бесстыжий гол и розов.
Колчан тащил бездонный он
со стрелами вопросов.
Вонзалась мыслью точно в цель
безжалостная шалость,
и у сатира на лице
тот час же отражалась.

— — — — —
Козлиный замедлялся бег.
Шаг увязал в рапиде.
Застыл поборник сладких нег.
Стал в сумраке невидим
лесном девицы силуэт
с опушки, освещённой
хвостами тающих комет.
Пuls, раньше учащённый,
едва раскидывал теперь,
текущую по венам,
кровь.

— — — — —
Ночь. Опушка. Ветхий пенёк.
На пне – сатир согбенный.
Куда я шёл? Зачем я сел?

Упёрся в нотабене
забронзовевший le penseur
по замыслу Родена.
(Закономерен ли вопрос
абстрактного педанта:
Роденом взят Жан Бо всерьёз
на роль поэта Данте?)

Сидит поборник сладких нег.
Свернуло лето в осень.
Пушистый лёгкий белый снег
упал беззвучно оземь.
Потом – весна. Потом опять
оранжевое лето.
И так раз десять, или пять
столетий без просвета.

— — — — —

Неподалёку у реки
построили дорогу.
По ней на войны мужики
частенько ходят в ногу.
На речке водятся суда.
Летят аэропланы
по небесам туда-сюда.
В неразвитые страны
ползут подводы с кирпичом
и множеством безделиц.
На пне задумался о чём
таинственный сиделец?
Давно уже дремучий лес
проглочен пилорамой.
Из настоящего исчез
зверёныш вместе с мамой.
Он переделать не хотел
её, себя, и мира
пирог с начинкой в меру ел,
и улыбался мило.
Дамоклов меч над ним висел
судьбы в ветвях без ножен.
Налился соками. Созрел.
Упал. Но был возможен
диаметральный вариант
без эспадонопада,
что опроверг философ Кант —
звезда Калининграда.

— — — — —

Орнелла Мути приняла
российское гражданство.
Сиротство Парка как пряла

блаженство. Где рождаться,
и где, напротив, умирать,
как тать, не всё равно ли,
отбросив прядь, закрыв тетрадь?
В финале поневоле
кристаллизуется одно
«но» «из какого сора» :
Я пьян давно. Мне всё равно.
И кто есть я, который...

— — — — —

...который год нам нет житья.
Тошнит от этих басен.
Распространившись всюду, я
уже на всё согласен.
Я со двора гляжу в окно.
Я здесь и там в окне я.
Я вездесущ, бессмертен. Но
Оно всегда сильнее.
И глаз полно, как Гамаюн,
Оно и триедино.

— — — — —

«Какого чёрта я стою,
разинув рот, чудило!
Пятнадцать раз зажётся свет
зелёный, жёлтый, красный.
А я смакую этот бред,
ни с чем несообразный.»
— на перекрёстке двух миров
под сенью светофора
подумал вдруг Козьма Петров.
А фауна и флора...

16. Ночной дозор

Свернув с Тверской, на Невский
предутренний пустой
влетают Достоевский
крылатый и Толстой
крылатый. Злится выюга
февральская на них.
Летят они, друг друга
оглядывая. Тих
застывший мёртвый город.
В ушах лишь ветра свист.
И сыпет снег за ворот.
На них кавалерист
князь Пётр Долгорукий
и конь его глядят.
Друг друга взяв за руки,
два мифа вдаль летят.

17. Даггеротип

Опять на бирже волатильность,
и Доу-Джонса рвёт Насдак.
А денег сроду не водилось.
Зато спокойный Наутилус
плывёт куда-то тихо так
в кувшине пробкового шлема,
блестя серебряной Луной.
И по колено все проблемы,
пока следит товарищ Немо
за веселящейся волной.

Шуршит ляфам вечерним боди.
За ней солдатские зрочки,
согласно мужеской природе
всегда и при любой погоде,
до края движутся почти.
Застыв в глубоком реверансе,
стоит почтительно она
перед столом, где в преферансе
три лба, Клико и Монморанси.
А сверху надпись «Чайхана».

По хрупкой скорлупе асфальта
идёт народ из синема,
храня в душе осколки фарта,
что не пройдут сквозь сито фильтра
привычки, позы и ума.
Но сердце бьётся с новой силой.
Поверхность трескается льда.
А между ивой и осиной
среди любви невыносимой
плывут туманы и года.

18. Нескромное обоняние эгофутуризма

Голодный сижу у буржуйки погасшей.
В разбитом окне летаргический мрак.
Мечтаю о будущей Гурьевской каше,
шампанананасах. Из прошлого фрак,
изъеденный молью и мглой, вынимаю.
Штиблеты из памяти вновь достаю.
В сиреневых солнечных отблесках мая
иллюзию маю, как песню пою.

Лети моя песня, взрывая салютом
чугунное небо в босой голове!
Лети моя песня в тот угол, где лютый
напрягся готовый к прыжку человек!

Да съест человек ананас! Да запьёт он
шампанским свою неизбывную боль!
Да крикнет, утрётся, икнёт! Да забудет он
на то, что природы он царский король!

Возможно ли это? Отказ от гордыни
потерю достоинства людям сулит,
утрату съедобных арбуза и дыни,
кузнечиков, рябчиков, нежных улит,
того же шампанского и ананаса,
зелёного лука и лука порей,
селёдки и патриотичного кваса,
который шампанского бродит скорей.

Процентный состав исключает возможность
глобального сдвига культурных основ,
поскольку в основе основ осторожность
лежит. Цементирует здание слов
исходное «я». И поэтому песня
любая – лишь спазмы в гортани певца.
Дырявит вокал, пока горло не треснет,
пространство. Отверстие в коже лица
как рупор зияет под носом горбатым —
мостом, уходящим в межглазие лба.

Большие колёса стучат по Арбату.
Дрова для буржоек развозит арба.
В неё запряжён не имеющий песен
мальчонка, одетый в нагольный тулуп.
Ждут дров обыватели, ссыпавшись с лесен-
ок. В форточках – лес обезглавленных труб.

Дождёмся весны и отправимся в Ниццу.
Оформлена виза и куплен билет
Но есть подозрение, что за границы,
весны, да и дров-то в реальности нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.